

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Аппетитный прыщик (лекции с диванчика)

Некоторые могут решить, что диванчик не ведает в моем сердце конкуренции с другой мебелью. Отнюдь! Возвышенная любовь организма к горизонту время от времени бессильна помешать телу сломя голову броситься в объятия обеденного стола и предаться порочной страсти чревоугодия, то есть набиванию брюха всем, чем не поподя, до отказа.

Аппетит — какое замечательное свойство человеческой природы! Аппетит не дает нам скучать еще с древности. Ничто так не задевало нас до глубины души и ничто так не навевало грусть, как отсутствие любимой еды рядом. Аппетит толкал нас на забивание камнями мамонта и околочивание груш с дерева. И до сего дня аппетит остается самым ярким и всепоглощающим чувством. Бананы, курица и шампанское — наша самая первая и незабываемая любовь, которую мы проносим с детства через всю жизнь.

Вот и сейчас в очередной раз я почувствовал, что в желудке образовалось пространство, достаточное, чтобы в нем поместилась планета приличных масштабов. Толкаю локтем в бок женщину, что прилегла отдохнуть рядом.

— Эй, на диване!

— Что такое?.

— Я есть хочу.

— Съешь меня.

— Не хочу.

— Почему?

— Ты сырая.

— Что же, я себя еще и пожарить для тебя должна?

— Нет, походи и пожарь курицу, если тебе все равно, что жарить.

— Где же я тебе ее возьму? Ту, что купили вчера, ты уже съел.

— Да, жалко, что у курицы всего две ноги, а не четыре.

— Милый, у тебя не рот, а маленькая пропасть. Тебя же легче убить, чем прокормить.

— Хорошо, давайте меня морить голодом, мучить недоеданием, пытаться дистрофией. Ты посмотри на меня, я уже пухну от голода.

— Милый, если ты и пухнешь, то только не от голода. Ты посмотри на себя: отъевшийся, опившийся, отоспавшийся волосатый мужик. Ты бы задницу от дивана оторвал и посмотрел на мир вокруг.

— Отличная мысль, давай сейчас же поедим к кому-нибудь из моих друзей. К Крацу, например, Его мамаша сказочно готовит. Поедим, а заодно и пообщаемся. И главное, денег тратить не надо.

— Какой же ты скупой!

— Я не скупой, я — жадный.

— А в чем разница?

— Скупой платит дважды, а жадный вообще не платит.

И потом это не относится к гостям. В гостях я очень щедрый человек. Это доказывает и полное отсутствие у меня стеснения кушать все, что бы хозяйева не подали. Это даже удивляет хозяйев некоторой невоздержанностью. Если бы я был жадным, разве я себя так вел? Я бы поклевал чуть-чуть с таким расчетом, чтобы и хозяйева, случись им быть у меня в гостях, не

объедали бы меня.

— В таком случае Краца надо сегодня пожалеть. Ты и так к нему заезжаешь слишком часто. Он может решить, что ты делаешь это только ради еды.

— Ладно, пускай я умру от голода.

— Ну, хочешь, поедем в «Макдоналдс».

— Ты хочешь оскорбить святое чувство моего аппетита. Никогда больше не говори при мне об этой забегаловке, а то меня стошнит. Пусть обслуживание у них и ничего, шустрое, но бутерброды их эти, которые гамбургерами кличут — помойка отменная. За что только деньги дерут? Да пусть мне даже заплатят, я их в рот не брал и никогда не возьму.

— Откуда же ты знаешь, что помойка, если ты их никогда в рот не брал?

— А мне Крац рассказывал. На вид, говорит, закусон вроде подходящий, а в рот возьмешь — жалко, говорит, народу много, плюнуть некуда.

— Ну хочешь, поедем в какой-нибудь ресторанчик. Хотя бы в тот итальянский, помнишь, куда ты меня пригласил в первый день нашего знакомства.

Это мне-то не помнить тот ресторанчик!

Только в тот ужин я собрался воткнуть вилку в принесенную дымящуюся пиццу, как ее кто-то выхватил прямо у меня из-под носа. Это был не кто иной, как официант. Оказывается, он перепутал заказ с соседним столиком. Их пицца стоила в два раза дороже. Но это еще были цветочки. Это дешевый клоун в конце обеда принес счет, который был раза в три больше всего, что я по всем расчетам ожидал. Когда я указал ему на это, он схватился за голову. Душегуб снова все перепутал, но парочка за соседним столиком, кому достался мой счет, его уже оплатила и благополучно смылась. Мне ничего не оставалось делать, как разориться на все деньги, что у меня были. Не будешь же в присутствии дамы, которую ты собрался соблазнить этим вечером, поднимать недостойный настоящего мужчины шум.

И точно, тем вечером я с дамой не прогадал, отчего сейчас и называю себя последним дураком.

— Чтобы я еще пошел к этим проклятым итальянцам! Да ни за какие пиццы на свете!

— А что ты так горячишься? На тебя прямо не угодишь.

— И правда, что это я. Ты знаешь, когда я голодный, я просто зверею. Я на все способен.

— Как это кстати. Мне раздеваться?

Эх! Сами видите, каким боком мне вышел тот ресторанчик.

— Раздевайся, раздевайся! Как раз тобою я и закушу...

А начну я с ее аппетитных глазок, кстати тут же к пиву подойдет и солоноватый носик. Невыразимо хороши и горьковатые ушки. Дальше мой голод утоляет грудь, дающая мне молоко. Когда облизываешь ее с ног до головы, нет, нет, да и наткнешься на аппетитнейший прыщик. А ничто так не возбуждает мой аппетит, как прыщики на теле женщины.

А на жаркое, на жаркое сегодня у нас нежная мякоть бедра, истекающая пряной подливкой страсти. А на десерт, когда ты уже сытый валяешься у нее на животе, сладкий сахарный пупок.

— А что же ты в конце отплеываешься?

— Я не отплеываюсь, просто волосок попался.

— Ты не любишь женские волосы?

— Почему же, я очень люблю женские волосы: целовать их, гладить, вдыхать их аромат — но кому же понравится находить их в супе, даже если суп из человечины.

— Людоед!

— Да, и не боюсь этого. Даже когда я наблюдаю соревнования культуристов, их горы мышц, мне всегда почему-то очень начинает хотеться есть.

— Боже, с кем я связалась! У него и к культуристам какие-то претензии. Может, ты того — гомосексуалист.

— Ну если, считать, что людоедство — это пищевой гомосексуализм, то... Впрочем, женщин я ем с большим удовольствием, как правило, у них больше тела.

— Никогда не подозревала, что ты любишь толстушек.

— Терпеть не могу толстушек, особенно когда застукаешь их заедой. Женщина хороша, когда у нее блестят глаза либо от шампанского, либо от голода.

— Тогда ты должен любить всех без разбору, потому как большинство из нас только тем и занята, что с утра до вечера голодает в надежде похудеть.

— Толку-то. Всю свою жизнь женщина ведет борьбу с собственным весом. Она начинает эту борьбу в ранней молодости и посвящает этому трудному делу лучшие годы жизни. Многие не выдерживают бескомпромиссного сражения и сходят с дистанции, многие продолжают бой, но победы ждать не приходится.

Женщина худеет всегда, она худеет даже тогда, когда она толстеет. Если бы женщины сбросили и сотую долю того веса, который они теряют, судя по их речам, то они давно бы испарились с этой планеты, пройдя через точку нуля, предоставив мужчин самим себе.

Но женщина в этой борьбе терпит два поражения. Первое — в борьбе с желанием много и вкусно поесть, а второе — в борьбе с последствиями поражения борьбы с желанием много и вкусно поесть.

— А сам-то только тем и занят, что ест, как не в себе.

— Я не ем, а духовно обогащаюсь.

— Это «обжорство» ты называешь духовным обогащением?

— Да. Ведь что такое еда? Это духовный акт познания окружающего мира через непосредственный контакт с ним. Поглощая куски инородной материи, мы пропускаем внешний мир через себя, отчего получаем энергетическую подпитку и новую информацию извне.

— А мне всю жизнь казалось, что информацию мы получаем из книг.

— Кто же спорит. Всему лучшему, что в нас есть, мы обязаны книге... о вкусной и здоровой пище. Впрочем, и другие книги способствуют аппетиту — пустота из головы плавно перебирается в желудок. Ой! Тихо! Кажется, началось!

— Любимый, почему ты схватился за живот. На тебе лица нет. И что у тебя началось?

— Что, что? Схватки! Ой, мамочки! Как копошится, стервец.

— Да кто копошится?

— Подожди... Слышишь, ворочается. Ой, мамочки, я этого не переживу!

— Я чем-нибудь могу тебе помочь?

— Ты ко мне на могилку приходить будешь?

— Ты с ума сошел?!

— Ну и не надо! Прощай, любимая! Ты была мне верной подругой. Да только не уберегла ты плод моей любви к тебе. Ой, мамочки мои! Как внутри, стервец, разошелся, как распоясался.

— Ты толком можешь сказать, кто у тебя там разошелся да распоясался?

— Кто, кто! Голод лютый, вот кто. Крандец мне настает.

— Так, может, перед смертью сарделечку тебе быстренько сварить.

— Сарделечку... А что, у нас есть?

— Полный морозильник.

— Надо же, голова, два уха. Как же я забыл! Да, иди, иди, любимая, выполни последнюю волю умирающего, да горчицы побольше положи и пивка не забудь.

Итак, я кладу на тарелку кусок сардельки, горчицу и ставлю рядом пиво. Одновременно почему-то все никогда не кончается. Например, кончается горчица, но остается сарделька и пиво. Приходится докладывать горчицы. Или кончается сарделька, но остается горчица и пиво. Приходится брать новую сардельку. Ну а жрать сардельки с горчицей без пива вообще вряд ли кому в голову приходило. Вот так и в жизни: и жрать давно не хочется, и остановиться никто не может.

А мой организм больше ничего не приемлет, кроме покоя. На него я и ухожу — до следующей лекции.